

Владимир Набоков

Пошляки и пошлость.

Понятие «пошлость» в массовом представлении сегодня часто ограничено вульгарным эротизмом. Таким образом, значение этого слова искусственно сужается до смысла удобного и безопасного для обывательского большинства. В реальности же «пошлость» — явление гораздо более широкое. Можно сказать, что она сегодня стала стилем и способом существования миллионов людей. Пошлость определяет в жизни мещан как выбор темы для разговора, так и их решения во множестве сфер и вопросов: от бутика до концертного зала и от телепередачи до избирательного участка. Об этом, полузабытом, но актуальном, значении пошлости как поддельной культуры — знаменитое эссе писателя Владимира Набокова.

Мещанин — это взрослый человек с практичным умом, корыстными, общепринятыми интересами и низменными идеалами своего времени и своей среды. Я говорю именно о «взрослом», солидном человеке, так как ребенок или подросток с повадками мещанина — всего лишь попугай, подражающий манерам законченных обывателей; ведь попугаем быть легче, чем белой вороной.

Обыватель и мещанин — в какой-то степени синонимы: в обывателе удручает не столько его повсеместность, сколько сама вульгарность некоторых его представлений. Его можно назвать «благовоспитанным» и «буржуазным». Благовоспитанность предполагает галантерейную, изысканную вульгарность, которая бывает хуже простодушной грубости. Рыгнуть в обществе — грубо, но рыгнуть и сказать: «Прошу прощения» — не просто вульгарно, но еще и жеманно. Понятие «буржуазность» я заимствую у Флобера, а не у Маркса. Буржуазность во флюберовском понимании свидетельствует скорее о складе ума, чем о содержимом кошелька. Буржуа — это самодовольный мещанин, величественный обыватель.

Маловероятно, чтобы этот тип существовал в первобытном обществе, хотя элементы мещанства можно обнаружить и там. Представьте себе на мгновение людоеда, требующего к обеду изысканно разделанную человеческую голову. Точно так же американский обыватель желает, чтобы отечественные апельсины всегда были ярко-оранжевыми, лососина — нежно-розовой, а виски — золотисто-желтым. Но, как правило,

мещанство возникает на определенной ступени развития цивилизации, когда вековые традиции превратились в зловонную кучу мусора, которая начала разлагаться.

Обыватель с его страстной потребностью приспособиться разрывается между стремлением поступать как все и страстным желанием принадлежать к избранному кругу. Он не увлекается и не интересуется искусством, в том числе и литературой — вся его природа искусству враждебна. Но он с жадностью поглощает всяческую информацию и отлично натренирован в чтении газет.

Обыватель — явление всемирное. Оно встречается во всех классах и нациях. Английский герцог может быть столь же вульгарным, как американский пастор, французский бюрократ или советский гражданин. У Ленина, Сталина и Гитлера представление об искусстве и науке было насквозь буржуазным. Рабочий или шахтер нередко оказываются такими же откровенными буржуа, как банковский служащий или голливудская звезда.

Мещане питаются запасом банальных идей, прибегая к избитым фразам и клише, их речь изобилует тусклыми, невыразительными словами. Истинный обыватель весь соткан из этих заурядных, убогих мыслей, кроме них у него ничего нет. Но надо признать, что в каждом из нас сидит эта заклишированная сущность, и все мы в повседневной речи прибегаем к словам-штампам, превращая их в знаки и формулы. Это не означает, однако, что все люди — обыватели, но предостерегает от машинального обмена любезностями.

В душный день каждый второй прохожий непременно спросит вас: «Вам не очень жарко?» Из этого не следует, что ваш собеседник — пошляк. Он может оказаться обыкновенным попугаем или словоохотливым иностранцем. Когда вас спрашивают: «Как поживаете?» — ответ: «Прекрасно» может прозвучать унылым штампом, но начини вы распространяться о своем здоровье, вы рискуете прослыть педантом и занудой. Иногда банальность — хороший щит или надежная уловка от разговора с дураками. Я встречал просвещеннейших людей — поэтов, ученых, которые в кафе обходились двумя-тремя словами: «да, нет, благодарю вас».

Персонаж, выступающий под именем «величественного пошляка», не просто обыватель-новичок, нет, это — профессиональный жеманник с головы до пят, законченный тип благопристойного буржуа, всемирный продукт заурядности и косности. Он — конформист, приспособившийся к своей среде. Ему присущи лжеидеализм, лжесострадание и ложная мудрость. Обман — верный союзник настоящего обывателя. Великие слова Красота, Любовь, Природа — звучат в его устах фальшиво и своекорыстно. Таков Чичиков из «Мертвых душ», Скимпол из «Холодного дома», наконец, Омэ из «Мадам Бовари». Обыватель любит пустить пыль в глаза и любит, когда это делают другие, поэтому всегда и всюду за ним по пятам следуют обман и мошенничество.

Обыватель с его неизменной страстной потребностью приспособиться, приобщиться, пролезть разрывается между стремлением поступать как все и приобретает ту или иную вещь потому, что она есть у миллионов, — и страстным желанием принадлежать к избранному кругу, ассоциации, клубу. Он жаждет останавливаться в лучших отелях, путешествовать в 1-м классе океанского лайнера с капитаном в белоснежном кителе и великолепным сервисом. Соседство с главой компании и европейским аристократом может вскружить ему голову. Нередко он — сноб. Богатство и титул приводят его в восторг: «Дорогая, сегодня я болтал с герцогиней!»

Пошляк не увлекается и не интересуется искусством, в том числе и литературой — вся его природа искусству враждебна. Но он с жадностью поглощает всяческую информацию и отлично натренирован в чтении газет и журналов. Он ревностный читатель «Сэттердей Ивнинг Пост» и, просматривая газету, обычно отождествляет себя с героями передовиц. Представитель сильного пола воображает себя симпатичным судебным исполнителем или другой важной птицей, скажем, замкнутым холостяком с душой ребенка и игрока в гольф. Если это читательница — эдакая мещаночка, она видит себя в роли обворожительной, румяной, белокурой секретарши (с виду девчушка, в душе — благочестивая мать, сочетавшаяся законным браком со своим молодцеватым шефом).

Обыватель не отличает одного автора от другого; читает он мало и всегда с определенной целью, но может вступить в общество библиофилов и смаковать прелестные, прелестные книги: винегрет из Симоны де Бовуар, Достоевского, Сомерсета Моэма, «Доктора Живаго» и мастеров эпохи Возрождения. Его не очень интересует живопись, но престижа ради он охотно повесит в гостиной репродукции Ван Гога или Уистлера, втайне предпочитая им Нормана Рокуэлла.

В своей приверженности к утилитарным, материальным ценностям он легко превращается в жертву рекламного бизнеса. Сама по себе реклама может быть очень хороша — иные ролики поднимаются до настоящих высот искусства, речь не об этом. Суть в том, что реклама всегда играет на обывательской гордости обладания вещью, будь то комплект нижнего белья или набор столового серебра. Я имею в виду определенный тип рекламы.

К примеру, в доме появился радиоприемник или телевизор (машина, холодильник, посуда — все что угодно). Их только что доставили из магазина. От удовольствия мать всплескивает руками, возбужденные дети толпятся вокруг, младшенький вместе с собакой тянется к тому месту, куда водрузили Идола, даже бабушка со всеми своими лучистыми морщинками виднеется где-то на заднем плане, а в стороне от всех, заложив большие пальцы в проймы жилета, с победоносным видом высится Отец, он же Папаша, он же Горделивый Даритель. Мальчики и девочки в рекламе неизменно усыпаны веснушками, а у малышей всегда отсутствуют передние зубы. Я ничего не имею против веснушек (на самом деле они очень идут иным юным созданиям). Вполне возможно, специальное исследование подтвердит, что у большинства маленьких американских граждан они есть, а в другом исследовании докажут, что у всех удачливых судебных исполнителей и красивых домохозяек в детстве они были. Повторяю: я не имею ничего против веснушек как таковых. Но я считаю неслыханной пошлостью то, что с ними сделали рекламные и прочие агентства. По рассказам очевидцев, если мальчик без веснушек или слегка веснушчатый должен появиться на телеэкране, ему наклеивают искусственные веснушки, минимум 22 штуки — восемь на каждой щеке и 6 на носу. В комиксах веснушки напоминают сильную сыпь. В одном сериале они были обозначены крошечными кружками. Если веснушчатых юных героев обычно играют белокурые или рыжеволосые красавчики, то у молодых статных мужчин, как правило, темные волосы и густые черные брови. От шотландца до кельта — такова эволюция.

Глубочайшая пошлость, источаемая рекламой, не в том, что она придает блеск полезной вещи, но в самом предположении, что человеческое счастье можно купить и что покупка эта в какой-то мере возвеличивает покупателя. Конечно, сотворенный в рекламе мир сам по себе безвреден — каждый знает, что сотворен он продавцом, которому всегда подыгрывает покупатель. Самое забавное не в том, что здесь не осталось ничего духовного, кроме экстатических улыбок людей, приготавливающих или поглощающих божественные хлопья, не в том, что игра чувств ведется по законам буржуазного общества; нет, самое забавное, что это — теневой, иллюзорный мир, и в его реальное существование втайне не верят ни продавцы, ни покупатели, особенно в нашей мудрой, прагматичной и мирной стране.

У русских есть, вернее, было специальное название для самодовольного величественного мещанства — пошлость. Пошлость — это не только явная, неприкрытая бездарность, но главным образом ложная, поддельная значительность, поддельная красота, поддельный ум, поддельная привлекательность. Припечатывая что-то словом «пошлость», мы не просто выносим эстетическое суждение, но и творим нравственный суд. Все подлинное, честное, прекрасное не может быть пошлым. Я утверждаю, что простой, не тронутый цивилизацией человек редко бывает пошляком, поскольку пошлость предполагает внешнюю сторону, фасад, внешний лоск. Чтобы превратиться в пошляка, крестьянину нужно перебраться в город. Крашенный от руки галстук должен прикрыть мужественную гортань, чтобы восторжествовала неприкрытая пошлость.

Возможно, само слово так удачно найдено русскими оттого, что в России когда-то существовал культ простоты и хорошего вкуса. В современной России — стране моральных уродов, улыбающихся рабов и тупоголовых громил — перестали замечать пошлость, поскольку в Советской России развилась своя, особая разновидность пошляка, сочетающего деспотизм с поддельной культурой. В прежние времена Гоголь, Толстой, Чехов в своих поисках простоты и истины великолепно изобличали вульгарность, так же

как показное глубокомыслие. Но пошляки есть всюду, в любой стране — и в Америке, и в Европе. И все же в Европе их больше, чем здесь [в США], несмотря на старания американской рекламы.

Фото: [Horst Tappe](#)

Владимир Набоков (1899-1977) — российский и американский писатель, поэт, переводчик и литературовед. Сын известного юриста, одного из основателей Партии кадетов В.Д. Набокова. После революции эмигрировал из России в Европу, затем в США. 1972 году Александр Солженицын рекомендовал номинировать Набокова на Нобелевскую премию по литературе, однако номинация так и не состоялась. Большинство критиков причисляют Набокова к тем писателям, кто незаслуженно не был включён в списки номинантов.